

Николас Сесма

ИСПАНИЯ ФРАНКО

ХРОНИКИ РЕЖИМА

**НЕ ЕДИНАЯ
НЕ ВЕЛИКАЯ
НЕ СВОБОДНАЯ**

Колibri
МОСКВА

УДК 94(460).088.3
ББК 63.3(4Исп)6
С33

Nicolas Sesma
NI UNA, NI GRANDE, NI LIBRE: LA DICTADURA FRANQUISTA

Перевод с испанского Надежды Беленькой и Григория Никольского

Сесма Н.

С33 Испания Франко. Хроники режима. Не единая, не великая, не свободная /
Николас Сесма ; пер. с исп. Н. Беленькой, Г. Никольского. — М. : Колибри,
Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-389-26485-4

Ничто не повлияло Испанию XX века так сильно, как диктатура Франко. Даже спустя полвека после смерти каудильо, отголоски его политических решений еще слышны в современной Испании. Николас Сесма предлагает новый взгляд на историю этого периода, в центре которого теперь находится не только генерал Франсиско Франко и эпоха гражданской войны, но и послевоенный период, и 1970-е годы, экономическое развитие, анти-франкистская оппозиция, черный рынок и потребительская культура. Все это сопровождается культурными отсылками — от литературы и кино до графических романов и поп-арта, — которые дополняют увлекательное повествование.

УДК 94(460).088.3
ББК 63.3(4Исп)6

ISBN 978-5-389-26485-4

© Nicolás Sesma, 2024

© Беленькая Н., Никольский Г., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство Азбука», 2026

Колибри®

Жаль, что это моя земля.

Луис Сернуда. Развезанные химеры (1962)¹

Утверждение о том, что мы не вправе судить о событии, не будучи его непосредственными участниками или, по крайней мере, не присутствовав при нем, убедительно для большинства в любой точке мира; однако, если всерьез признать его правоту, стали бы невозможны ни исторические исследования, ни отправление правосудия.

*Ханна Арендт. Эйхман в Иерусалиме (1963)**

* Эйхман в Иерусалиме. История обыденных злодеяний / Пер. с англ. В. Гопмана. — Иерусалим — Москва: ДААТ / Знание, 2008. — 328 с.

ВСТУПЛЕНИЕ

Не только Франко

В апреле 1969 года, спустя тридцать лет после завершения гражданской войны в Испании, во «исполнение воли Его Превосходительства» на кладбище Мингоррубио в мадридском районе Эль-Пардо началось строительство часовни.

Ее аскетический облик и скромные размеры поначалу могли произвести обманчивое впечатление, однако поверхностного знакомства с деталями было достаточно, чтобы понять, что авторы проекта намеревались бросить настоящий вызов времени. Так, при строительстве должны были использоваться материалы «высшей категории», начиная от «хрустящего на ощупь и очищенного от органических примесей» песка до «абсолютно чистой» воды. Этот «кропотливый труд нельзя было доверить первой попавшейся компании», поэтому вместо обычной системы поиска и найма работников необходимо было провести «строжайший конкурсный отбор». Но уже в набросках внутреннего убранства, подробно разработанных в планах второй фазы строительства часовни, со всей ясностью проявилась маниакальная жажда величия инициаторов проекта. Ничто не было случайным: лампы работы Сусаны Полак, кованные изделия от Хосе Луиса Алонсо и, самое главное, «художественная мозаика» для лестницы и сводчатого купола крипты, изготовленная Сантьяго Падросом, который ровно десятью годами ранее закончил свою самую известную и амбициозную работу всего в тридцати километрах от часовни: монументальную мозаику купола базилики Долины Павших¹.

Замалчивание того, что и так всем прекрасно известно, — повседневная реальность любой диктатуры. В проекте часовни-мавзолея и ее убран-

ства нигде не упоминалось имя того, кому суждено было в ней упокоиться, однако не сложно было догадаться, о каком «Его Превосходительстве» идет речь, ведь «вы, сеньор или сеньора, наверняка знаете фамилию погребенного здесь человека». Несмотря на то что Франсиско Франко Баамонде официально не выражал желания быть погребенным и обрести вечный покой — в чем он обычно отказывал своим врагам — именно в Эль-Пардо, на это указывает множество признаков.

Во-первых, в крипте похоронена жена Франко, Кармен Поло-и-Мартинес-Вальдес, умершая в феврале 1988 года. Во-вторых, Мингоррубио можно считать главным кладбищем верхушки режима, поскольку среди его «обитателей» имелись представители практически всего политического и социального состава диктатуры Франко. На кладбище покоятся два председателя его правительства, Луис Карреро Бланко и Карлос Ариас Наварро, несколько гражданских и военных министров, таких как Деметрио Карсельер, Камило Алонсо Вега и Педро Ньето Антунес, а также глава Военного дома Франсиско Франко Сальгадо-Араухо и генерал Карлос Иньеста Кано, значимая фигура Национального движения. Всем этим деятелям был необходим человек, который бы о них писал, поэтому журналист Эмилио Ромеро также обрел приют на одном из участков Эль-Пардо, где кладбище граничит с плотиной и одноименным водохранилищем. Эмилио был одним из тех, кто чествовал и превозносил предпринимателей вроде Хосе Бануса, еще одного известного деятеля, пожелавшего сопровождать своих сиятельных друзей в их последнем путешествии. Не обошло его и внимание семейства Эскрива де Балагер: их знаменитый представитель окончил свой путь в Вечном городе, однако оставил доказательства своих симпатий и желания быть погребенным в семейном пантеоне. Хватило места на вечеринке и Рафаэлю Леонидосу Трухильо, грозному диктатору Доминиканской Республики, признание которого Мадридом повлекло за собой повторное перезахоронение его останков. Без сомнений, это событие стало свидетельством превращения Испании в страну, готовую на долгий период стать местом упокоения сатрапов всех мастей, а также трудностей, которые влечет за собой для любого государства статус точки завершения чужого преступного пути².

В-третьих, желание Франко быть похороненным в Эль-Пардо отражают различные завещания и дипломатические документы. Так, 25 октября 1975 года конфиденциальная телеграмма посольства США информировала Государственный департамент о том, что «погребение состоится в Эль-Пардо», поскольку один из главных ответственных за протокол предстоящих похорон каудильо «полностью исключал возможность его захо-

ронения в Долине Павших»³. Однако месяц спустя, не до конца понимая происхождение этой инициативы, Ариас Наварро и Хуан Карлос де Бурбон, провозглашенный преемником Франко и королем Испании, приказали опубликовать акт о решении похоронить Франко вместе с основателем испанской фаланги, Хосе Антонио Примо де Риверой, в задней части алтаря бенедиктинской базилики в Куэльгамурсе. Монументальный крест высотой 150 метров придавал захоронению диктатора высочайшую общественную значимость, казавшуюся аномалией для западных европейских демократий.

С наступлением нового тысячелетия, несмотря на сравнительное безразличие общества, начал всерьез рассматриваться вопрос о целесообразности перезахоронения. Однако это вызвало ожесточенное противодействие, которое выявило ряд глубоких проблем, порожденных или же обостренных диктатурой. Среди них — персонализация институций, в результате которой сложно было понять, где заканчивается сфера частной жизни и начинается ответственность государства, как пример — отношения между католической церковью и государством, в то время как Ватикан никак не выражал своего мнения на этот счет.

Эти и другие факторы, такие как наследственная преемственность в «правлящей элите» страны — одно из последствий сложного перехода к демократии, — вновь заявили о себе, когда 15 февраля 2019 года Совет министров в конце концов согласовал начало эксгумации. Затем последовала долгая судебная тяжба, которая включала в себя приостановление действия разрешения на строительство административным судом, предупредительное приостановление Верховным судом и даже апелляцию в Страсбургский суд, поданную адвокатом семьи Франко Луисом Фелипе Утрерой Молиной, который посчитал, что эта мера нарушает Европейскую конвенцию о правах человека. В соответствии с историческим значением Конвенции, соблюдение которой является обязательным условием вступления в Совет Европы и, следовательно, представляет собой основную гарантию предотвращения участия автократий в процессе континентальной интеграции, обращение не было принято, как некогда не была признана и сама франкистская Испания.

Когда все юридические средства против перезахоронения были исчерпаны, 24 октября 2019 года, после тринадцати демократических законодательных собраний, правительство приступило к эксгумации останков Франсиско Франко. Если история прямых эфиров в Испании началась с трансляции в 1959 году открытия Долины Павших, в этот раз телевидение удостоило грандиозное событие не менее ярким репортажем. Верто-

лет поднял гроб с телом и отправился в полет к Мингоррубю, ставший наглядной метафорой переживаемых страной перемен и достойный вступительной сцены к «Сладкой жизни» Феллини. Спустя пятьдесят лет круг замкнулся, и присутствие Франко в Куэльгамуросе больше не бросало тень на демократию.

Осталось задаться вопросом, не была ли Долина Павших одним из тех деревьев, за которыми не видно леса, и не бросало ли тень присутствие там Франко на саму интерпретацию режима, который почти всегда характеризовался как персоналистская, централизованная и уникальная система.

Итак, во-первых, не напоминал ли в большей степени сам характер диктатуры коллективное захоронение в Мингоррубю, нежели уединенную могилу в Долине Павших? Этот вопрос лежит в основе всего нашего исследования, впервые же он поднимался в связи с осмыслением природы фашистских и авторитарных режимов в целом. По словам Роберта О. Пакстона:

«Образ всемогущего диктатора персонализирует фашистский режим и создает ложное впечатление, что для понимания фашизма достаточно исследовать фигуру лидера. Отвлекая внимание от прочих союзников режима — персоналий, групп и институтов, этот образ по сей день поражает воображение, означая последний триумф фашистской пропаганды»⁴.

Во-вторых, не слишком ли Куэльгамурос с его символической мощью заострил внимание вокруг себя как места памяти, затмив победное шествие диктатуры по всей территории страны? По всей Испании расположилось множество локальных долин павших, от склепа под площадью Апостолов в монастыре Монсеррат, также принадлежащем бенедиктинскому ордену, до могилы генерала Кейпо де Льяно в базилике Макарена в Севилье, от памятника павшим в Памплоне до мавзолея Онисимо Редондо на кладбище Кармен в Вальядолиде. Образ и подобие этих мемориалов и их использование в политической практике режима не отвечали исключительно логике централизации, но отражали сложную систему компромиссов, а также личных, региональных и локальных интересов. Следует признать, что все это было блестяще задокументировано и проанализировано профессиональными историками. Однако эти исследования до недавних пор не были интегрированы в изучение диктатуры во всей ее совокупности, поскольку обычно при подобном анализе внимание сосредотачивалось на Мадриде и Барселоне.

Наконец, не способствовал ли вышеупомянутый феномен Долины Павших и его значение для всего европейского контекста продвижению избитого нарратива об исключительности Испании? Парадоксально, что, как и многие другие режимы, которые заявляли о своей вневременности и утверждали, что они «гордо идут в одиночку», диктатура Франко всегда определяла себя в зависимости от переменной международной ситуации. Приход к власти каудильо неотделим от призрака фашизма, который бродил по Европе, а демонтаж режима произошел на фоне волны демократизации. Между этими приливами и отливами режим адаптировал свой дискурс и имидж к эпохе холодной войны, где он был неуместен скорее из-за своего происхождения, чем из-за своей авторитарной природы, сохранявшейся на южной границе Европы, которая на протяжении многих лет оставалась «Диким континентом»⁵. На самом деле гипотеза о полной изоляции Пиренейского полуострова в этот период не выдерживает критики, поскольку повсеместные политические и социокультурные изменения в последующие десятилетия — от деколонизации и сельскохозяйственной революции до борьбы за права женщин и секуляризации, от роста значения университетов до развития атомной энергетики — коснулись и Испании или даже возникали самостоятельно внутри ее. Просто обычно это происходило с опозданием на несколько лет и, что важнее, с гораздо меньшей степенью вовлеченности общества, с меньшим упором на равноправие и прозрачность, причиной чему была авторитарная природа франкистской системы. Это обстоятельство особенно актуально в отношении экономических преобразований 1960-х годов и построения зарождающегося общества потребления, которое в гораздо большей степени обязано крупным многосторонним организациям, опоре «Несокрушимой империи», чем это когда-либо признавалось националистическим нарративом десарольизма⁶.

Таковы основные вопросы, которые мы ставили перед собой при написании этой книги. Чтобы попытаться ответить на них и соответствующим образом их контекстуализировать, предлагаем анализ диктатуры Франко в поисках сравнительной перспективы, помещая ее в меняющийся международный ландшафт прошлого века; этот анализ коснется всей национальной территории, поскольку вертикальный и централизованный подход всегда вступал в противоречие с многогранной реальностью страны; этот анализ не позволяет приписывать диктатору абсолютную власть, и, таким образом, мы сможем пересмотреть роль, которую играли в то время правительственная элита, государственные институты и общество в целом, не преуменьшая значения фигуры самого Франко.

В этом смысле на последующих страницах термин «диктатура» или «режим Франко» будет использоваться чаще, чем более персоналистский термин «франкизм». Этот термин «появился лишь в первое десятилетие после смерти Франко» и «в конечном счете был принят [...] практически единогласно» для описания как системы власти, так и самого исторического периода⁷. Противоположный путь проделал термин «гитлеризм», очень распространенный в тогдашних источниках и даже в самом «языке Третьего рейха», но постепенно вытесненный упоминаниями о «национал-социалистической Германии» или «диктатуре нацистов»⁸. В любом случае, точно так же, как и при подходе к дискуссии о его политической природе — авторитарной, тоталитарной, фашистской, традиционалистской, военной, фашизированной или бонапартистской — практически невозможно выбрать какой-то один определенный термин⁹. Не зря государства, рожденные в результате кризиса межвоенного периода, сделали динамику и отсутствие программной конкретики одной из своих отличительных черт. Таким образом, диктатура Франко не поддается моментальному анализу, поэтому мы попытаемся дать собственное определение лишь в эпилоге, изучив всю ее историю и в первую очередь учитывая ее необычайную долговечность.

Поскольку одним из основных условий для признания суверенности государства является не только наличие правительства и контроля над определенной территорией и населением, но и дипломатическое признание, началом нашей книги мы выбрали февраль 1939 года. 27-го числа этого месяца Невилл Чемберлен объявил перед палатой общин о признании Великобританией франкистского государства, а Третья Французская республика последовала ее примеру, подписав Двустороннее соглашение Бера — Хорданы. Несомненно, основы политического и социального фундамента, легшего в основу диктатуры Франко, сформировались в период гражданской войны в Испании, и потому мы включили эти годы в наш анализ. Однако перспектива достижения общей цели — победы, которая до того служила оправданием многочисленных мер и способствовала стиранию внутренних разногласий, позволяет нам рассматривать эту дату как начало новой эры, руководствующейся собственной логикой и горизонтами ожиданий.

Дилемма, признавать ли франкистскую Испанию или предоставить ей статус воюющей стороны, породила во время войны реки дипломатических чернил. Уже в самом начале фашистская Италия, нацистская Германия и некоторые латиноамериканские диктатуры, такие как Гватемала, Сальвадор и Никарагуа, официально направили своих предста-

вителей в Бургос, в то время как благословение Ватикана было отложено до мая 1938 года. Однако получение одобрения двух основных европейских демократических держав, архитекторов системы безопасности в межвоенный период в лице Лиги Наций, означало признание режима Франко в качестве единственного представителя Испании в международном сообществе. Это понял и президент Второй республики Мануэль Асанья, который в тот же день, 27 февраля 1939 года, сообщил председателю кортесов о своей отставке, поскольку «признание законного правительства в Бургосе мировыми державами, в первую очередь Францией и Англией, лишает меня международно-правового представительства»¹⁰.

Следует упомянуть, что посол Советского Союза в Великобритании Иван Майский записал в своих секретных дневниках, которые считаются одним из ключевых источников для понимания механизмов, приведших ко Второй мировой войне: «Этот день войдет в историю Великобритании и Франции как день позора и безумия: Лондон и Париж признали Франко де-юре»¹¹. Так или иначе, это решение не было отменено даже после того, как Генеральная Ассамблея ООН осудила диктатуру в декабре 1946 года. В то же время правительство республиканской Испании в изгнании с трудом заручилось поддержкой горстки стран Латинской Америки (в том числе и охваченной революцией Гватемалы, что показывает, до какой степени «испанский вопрос» стал вопросом внутренней политики) и Восточного блока. Во всем мире только Мексика сохранила свою непоколебимую приверженность республиканским институциям, которые просуществовали вплоть до июня 1977 года, пока не были распущены первыми демократическими выборами, проведенными в Испании за долгих четыре десятилетия¹².

Тот же 1977 год обозначает точные временные рамки нашего исследования именно в связи с подготовкой страны к демократическим выборам, а потому мы решили обозначить завершение политического существования диктатуры 1 апреля, днем принятия королевского декрета, согласно которому «Генеральный секретариат Движения и зависящие от него коллегиальные и единоличные органы политического характера на национальном, провинциальном и местном уровнях ликвидируются». Дело в том, что с 20 апреля 1937 года, когда в начале гражданской войны был принят декрет об объединении всех правых сил в единое националистическое движение, диктатура Франко неизменно оставалась однопартийной системой. Режим определял все: союзы, цели и дискурс. В конце своих дней грозился разорвать связи с религией и даже официально изменил назва-

ние партии с Испанской традиционалистской фаланги (*Falange Española Tradicionalista*, FET) и JONS на просто Национальное движение. Но эта институциональная характеристика оставалась неизменной на протяжении всей его истории.

Хотя вопрос о ликвидации единственной партии или поглощении ее государством поднимался неоднократно, Франко так и не смог или не захотел от нее отказаться. Утвержденное законодательством режима как эксклюзивный инструмент для любого политического участия, Движение наперекор всем трудностям сохраняло свое «железное» здоровье вплоть до смерти диктатора и даже после нее. Впрочем, это утверждение не исключает наличия двух обстоятельств. С одной стороны, степень влияния партии и ее органов как на решения правительства, так и на функционирование государственного аппарата была весьма переменчива. Причем чаще всего это непостоянство объяснялось причинами, не зависящими от воли ее лидеров. С другой стороны, как хорошо известно, внутри самой партии сосуществовало множество политических групп и идеологических направлений. В их число входили как старые и новые фалангисты, которые неизменно составляли ядро партии, так и традиционалисты, различные монархические фракции и всевозможные вариации политического католицизма. К ним примкнули также те, чье членство в партии носило чисто номинальный характер или было результатом оппортунизма.

Используя более практичный термин, чем классическая «семья»¹³, каждую из этих групп и идеологических направлений мы будем рассматривать как «селекторат». То есть объединение людей, призванных брать на себя ответственность (наиболее показательный пример тому — вход в состав Совета министров, или кортесов) по решению харизматического лидера. При этом лидер обязан обеспечить им достаточную долю политического и материального капитала, чтобы не подвергаться угрозе оспаривания своей позиции¹⁴. Благодаря сбалансированному распределению квот на власть франкистские селектораты, при всех своих различиях, продемонстрировали полную совместимость друг с другом. Фактически возникло множество типажей партийцев, для которых было логичным принадлежать сразу к нескольким группам или выражать общую лояльность всему Движению. Это были своего рода «идеальные франкисты», на каждом этапе диктатуры способные обеспечить динамику, определяющуюся «направлением, заданным каудильо», ради достижения общей цели¹⁵. Так они действовали в гражданскую войну вплоть до победы, затем стремились найти свое место в Европе, находившейся под господством стран оси, а после

перелома в ходе Второй мировой войны — для того, чтобы гарантировать Франко пожизненное регентство.

Исходя из всех этих предпосылок, наша книга структурирована следующим образом. Первая глава служит прологом и посвящена политическому насилию диктатуры, поскольку мы считаем, что анализ этого процесса во всем его многообразии представляет собой необходимое, хоть и недостаточное условие для понимания необычайной долговечности режима. Основной массив исследования состоит из десяти глав, построенных по хронологическому принципу. Однако речь идет не просто о линейном повествовании, но о поэтапном накоплении опыта и решений, которые в конечном счете прольют свет на глубинную природу режима. В связи с этим мы постарались сделать так, чтобы каждый из аспектов социальной реальности Испании и воздействия на нее франкистских инструментов — от институциональной динамики до экономической политики, включая изменения в обществе, деятельность изгнанников и внутренней оппозиции, а также международные отношения — не рассматривался обособленно, а был включен в единую панораму, отражающую постоянное взаимодействие перечисленных факторов между собой.

Таким образом, наша первая глава посвящена исключительно логике франкистских репрессий в двух ее аспектах. С одной стороны, речь пойдет о прямых и косвенных жертвах разнообразного насилия, развязанного диктатурой. Уже на пороге завершения войны одним из первых шагов победителей стало создание прочной юридической базы с целью наказания нелояльной части населения. Епископ из Саламанки Энрике Пла-и-Дениэль назвал это «хирургической операцией на общественном теле Испании», призванной перекрыть «детям Каина» путь в «Град Божий». С другой стороны, мы рассмотрим феномен вовлеченности — из преданности, мести, необходимости, оппортунизма или социального давления — другой половины населения в выгодах, получаемых от ограбления побежденных и утраты ими прав граждан. Жеральдина Шварц в книге *«Амнезики»* блестяще описала эту стратегию применительно к событиям в Германии, проведя аналогию с другими авторитарными режимами. Стратегия вовлечения государством населения в свою политику позволяла расширить социальную поддержку режима и укрепить его, превращая общество «в соучастника, сохраняющего свою совесть чистой» путем «легитимации режимом его преступлений»¹⁶.

В этой связи вторая и третья главы сосредоточены на поведении и позиционировании диктатуры накануне Второй мировой войны. Прямое

и точное отражение франкистской вселенной, торжественное празднование победы, прошедшее по всей территории страны, позволяет наблюдать любопытное сближение доктринальных и эмоциональных основ режима, а также составить карту его политического состава благодаря наблюдению за участниками шествий. Их расположение на торжественных церемониях свидетельствует об опыте и значимости, которые они заслужили в ходе гражданской войны. Кроме того, центральная роль, которую в этих торжествах отводил себе Франко, почти всегда сопровождаемый Рамоном Серрано Суньером, амбициозным «фаворитом» из числа его окружения, не спешившего восстанавливать монархию, позволяет представить себе в общих чертах личность диктатора и его путь к тому, чтобы стать главой государства и генералиссимусом армии. От установления нового порядка в Испании до возможности участвовать в создании нового континентального порядка был всего один шаг, который казался естественным после поражения ненавистной Франции. И Франко, и Серрано пытались совершить его любыми средствами, но обстоятельства делали их попытки изначально невозможными. И когда шанс наконец выпал, среда окружения Франко уже изменилась, да и сам он убедился в том, что выиграл все свои войны.

Переосмысление, сопротивление и нормализация — таковы звенья, составляющие долгий путь франкистского государства к восстановлению международного признания, к подлинному возрождению режима. Каждое из этих звеньев соответствует четвертой, пятой и шестой главам. Все начинается в 1943 году, когда диктатура оказалась в опасной ситуации, поскольку падение режима Муссолини в Италии, казалось, предвещало конец каудильо. Отсутствие единой альтернативы, а заодно и симпатии союзников, но прежде всего твердость националистического сообщества, объединенного памятью о войне и плодами победы, позволили Франко пережить момент наибольшего риска пусть даже ценой отказа от грез о величии. С этого момента «испанский вопрос» превратился в проблему для всех вовлеченных сторон. Сквозь шумиху общественных мнений доносились напоминания демократическим правительствам о политике примирения, от которой они не переставали отказываться, в то время как Советский Союз быстро решил использовать ее в качестве диалектического оружия для оправдания своих планов господства над Восточной Европой. Меж тем, допустив несколько оплошностей, диктатура умело разыгрывала свои карты. Она плела новые альянсы за границей, прежде всего делая ставку на аргентинский режим Перона, одновременно усиливая превентивные репрессии внутри страны и добиваясь того, чтобы

судьба режима ассоциировалась с судьбой нации. Окончательное утверждение франкистской Испании произошло в 1953 году с подписанием конкордата с Ватиканом и двусторонних соглашений с Соединенными Штатами, хотя впереди ее ждали два непростых года, прежде чем снова быть принятой в высшую лигу через вступление в Организацию Объединенных Наций.

Подчиняясь логике холодной войны и поколенчески ослабленные изгнанием республиканцев, социальные опоры режима достигли своей полноты франкистского мира (*raix franquista*), что мы рассмотрим в блоке, состоящем из седьмой, восьмой и девятой глав. Усвоив урок, извлеченный из искушения войны и изоляции, диктатура не совершила ошибки, ввязавшись в масштабный конфликт деколонизации — ахиллесову пятую своего иберийского аналога и даже Четвертой Французской республики. Воспользовавшись репатриацией капиталов и новой международной специализацией труда, франкистская Испания не просто избежала риска финансового краха, вызванного автаркией: Франко позволил убедить себя в необходимости изменения экономической политики, сочетая риторику победы с новыми словечками, присущими технократии. Присвоив себе исключительное право на консультации у международных организаций и мобилизовав усилия всей правящей элиты, «серые кардиналы» из *Opus Dei* с наибольшим рвением проповедовали «новомодные слова [...] — эффективность, планирование, полюса, дезидеологизация, быстро вошедшие в привычку», — а диктатура отныне стремилась предстать десарролистской и модернизированной¹⁷. Однако как раз в тот момент, когда Органический закон государства (*Ley Orgánica del Estado*, LOE) казался способным стабилизировать политическую систему, реальность трудовых, культурных и социологических изменений породила новые поколения, которые уже не довольствовались ролью ручного потребителя, но стремились к полной эмансипации.

«А что же после Франко?» — этот вопрос повторялся на всех уровнях испанского общества и проходит красной нитью через два последних раздела нашего исследования. Хуан Карлос де Бурбон был назначен преемником с титулом короля, а у руля правительства оставался Луис Карреро Бланко, верный сторонник режима и второй человек после каудильо на протяжении более трех десятилетий. Казалось, все «под контролем». Однако мечта о продолжении старого курса рухнула сразу же вслед за убийством адмирала, что открыло путь к долгой череде событий, в ходе которой все — и свои, и чужие — стремились занять максимально выгодные позиции в ожидании неизбежных перемен. В то же время многие пред-

ставители традиционных столпов режима — от католической церкви до вооруженных сил и упорного Движения — уже не были уверены, являются ли они по-прежнему его частью. А там, где таких сомнений не было, зато царила полная неопределенность, смыкала ряды антифранкистская оппозиция. После сорока лет под гнетом режима Франко для нее наконец забрезжил рассвет.

ГЛАВА 1

Ни мира, ни милосердия, ни прощения

Итак, ни капитуляции, ни объятий Вергары,
ни Санхонских договоров, ничего,
кроме сокрушительной и окончательной победы.

*Эмилио Мола Видаль, выступление на радио Кастилии
(Бургос), август 1936 г.*

Я и представить не мог, что эти люди такие звери.

Хулиан Бестейро, тюрьма Дуэньяс, август 1939 г.¹

...Я прошу вас не оплакивать меня [...] я умираю так, как
должна умирать невинная [...] я умираю честным чело-
веком. Прощай, дорогая мама, прощай навсегда... Пусть
мое имя останется в истории.

*Прощальное письмо Хули Конеса, тюрьма Вентас,
5 августа 1939 г.²*

Когда факел перейдет в другие руки, к другим людям, к другим поколениям, и однажды они почувствуют, как гневно закипает их кровь и испанский гений снова приходит в ярость от нетерпимости, ненависти и жажды разрушения, пусть они подумают о мертвых, пусть выслушают их урок: урок тех людей, которые пали в битве, великодушно сражаясь за великий идеал, и которые теперь, укрывшись на родной земле, больше не испытывают ненависти, больше не испытывают злобы и посылают нам вместе со светом, тихим и далеким, как свет звезды, послание вечной родины, обращенное ко всем ее детям: Мир, Милосердие и Прощение³.

Эти незабываемые слова Мануэль Асанья произнес вечером 18 июля 1938 года, во вторую годовщину начала гражданской войны, в Сало-де-Сент Городского совета Барселоны, которая стала столицей Республики

в октябре предыдущего года. Этой речью, которая в итоге станет его последним публичным выступлением, президент пытался подготовить почву для гипотетического международного содействия, которое привело бы к приостановке военных действий и к какой-либо форме договорного мира, чтобы впоследствии иметь возможность прояснить политическое будущее страны путем проведения плебисцитарных консультаций. Не зря помимо Хуана Негрина, председателя Совета министров, твердого ядра его администрации и правительства Женералитата, на слушаниях присутствовали видные представители дипломатического корпуса, которым Асанья пытался доказать неразумность политики невмешательства⁴.

Несомненно, Асанья осознавал, что любая посредническая инициатива, которой ранее не предшествовала значимая победа или, по крайней мере, вывод всех иностранных военных, столкнется с доктриной «сопротивляться — значит победить», провозглашенной Негрином. Тем не менее он собирался действовать, руководствуясь своей прежней убежденностью в том, что у республики нет шансов добиться мира без помощи демократических стран, а также антикоммунистическими опасениями, усиленными недавними назначениями, которые укрепили влияние Коммунистической партии Испании (КПИ) в Народной армии⁵. Однако в проводимой им стратегии таилась и другая, личная уверенность в том, что Франко на самом деле ничем не отличался от старых генералов XIX века, которые так же любили государственные перевороты, как и не были способны управлять ими политически. Если соглашение не будет достигнуто, то, учитывая тот факт, что генералиссимус был не более чем простой пешкой на доске международной игры фашистских держав и по их команде в любой момент мог к ним примкнуть, «мы просто скатились бы к военной и церковной диктатуре традиционного испанского образца. Сколько бы лозунгов ни было провозглашено и сколько бы громких слов ни было сказано»⁶.

Несмотря на все кровавые доказательства против, которые накапливались с лета 1936 года, когда эта «акция» по «захвату власти», которая уже считалась «в высшей степени жестокой»⁷, закончилась яростной чисткой, Асанья был не единственным, кто все еще придерживался этого мнения. Его разделяли некоторые старые либеральные учителя в изгнании и бывшие сотрудники Региональной лиги (*Lliga Regionalista*) Франсеска Камбо, которые грешили классическим интеллектуальным смешением реальности и ожидания. Такие личности, как Рамон Перес де Айала, Хосе Ортега-и-Гассет и Рамон Менендес Пидаль, были уверены, что грядет «умиротворяющая диктатура», новый режим Примо де Риверы, к которому они также рассчитывали адаптироваться с учетом его публичных исправлений, про-

пагандистского сотрудничества и храбрости сына⁸. Секретарь Института каталонских исследований Жозеп Пижоан сразу после объявления о взятии Барселоны также питал надежду на то, что начнется этап «примирения и восстановления», как в Америке после гражданской войны. В этих кругах только те, кто получил какой-либо прямой сигнал от окружения Франко, такие как Грегорио Мараньон, понимали, что вариант комиссарской диктатуры остался в прошлом и «теперь нас никто не будет слушать», поэтому лучше вести себя в высшей степени осторожно⁹.

Еще более удивительным, несомненно, является то, что сходное отношение было распространено и среди многих профессиональных военных и деятелей политического класса республиканской зоны. Среди последних был даже председатель Учредительных кортесов, харизматичный социалистический лидер Хулиан Бестейро. Неслучайно Асанья выбрал его в мае 1937 года в качестве официального представителя для участия в церемонии коронации короля Георга VI, которую он расценивал как идеальный повод незаметно продвинуть планы посредничества, не получившие ни малейшего интереса со стороны британского правительства. Несмотря ни на что, эти круги по-прежнему были убеждены в том, что патриотизм и армейские ценности объединяют враждующие стороны за пределами окопов; росло ощущение, что, как с горечью писал Макс Ауб в «Кампо-дель-Моро», «коммунисты — единственное серьезное препятствие [...] военные могут заключить мир с Франко». Как хорошо известно, после отставки президента Асаньи в феврале 1939 года и полковник Сигисмундо Касадо, и сам Бестейро спровоцировали переворот против правительства Негрина и формирование так называемого Национального совета обороны. Под председательством генерала Миахи члены Совета надеялись на честную капитуляцию без преследований или репрессий в отношении комбатантов с надлежащим попечением о вдовах и сиротах, оставшихся после войны, что в итоге снова принесло бы некое удачное решение вроде «Объятия Вергары»¹⁰.

Однако ничего похожего не случилось. То, что приготовили для них националисты, куда больше походило на «расстрел Торрихоса и его спутников», чем на какую-либо форму примирения. Во-первых, потому, что франкистский режим был принципиально иным явлением. Он не был ни классической военной диктатурой, призванной быть переходным периодом в политической жизни страны, ни диктатурой исключительно церковной, хотя католическая церковь играла фундаментальную роль, в то время как лозунги действительно могли быть всего лишь словесной интерпретацией, которая сегодня вызывает смесь недоверия и смущения, но при

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Николас Сесма

ИСПАНИЯ ФРАНКО

Хроники режима

Не единая

не великая

не свободная

Ответственный редактор *Т. Маслова*
Научный редактор *Е. Гранцева*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Технический редактор *Л. Синецына*
Корректоры *С. Луконина, О. Левина*
Верстка *Ю. Фролкина*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.02.2025.

Формат 72 × 100 1/16. Гарнитура «Срестал».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,2.

Тираж 2000 экз. О-НІS-35469-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі, Партийный
пер. Партийный, д. 1, к. 25	т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

